Ирина КАЛАНЧИНА

ПОЭМА «КИРГИЗ»: ПЯТЬ СУДЕБ ОДНОЙ КНИГИ

(Густав Зелинский, Георгий Гребенщиков, Григорий Гуркин, Виктор Белослюдов, Михаил Щеглов)

Есть книги, ценность которых определяется не только именем автора и содержанием. Иногда сама история их создания и издания становится самостоятельным литературным сюжетом. Именно такова томская книга 1910 года – поэма польского поэта Густава Зелинского «Киргиз», переведенная на русский язык Георгием Гребенщиковым, оформленная рисунками художников Сибири – Григория Гуркина, Виктора Белослюдова, с обложкой, нарисованной Михаилом Щегловым.

Это издание примечательно тем, что в нем сошлись несколько художественных судеб. Польский поэт, оказавшийся в сибирской ссылке, русский писатель, для которого Сибирь стала не просто местом жизни, но главным пространством творчества, алтайский художник, сумевший увидеть и передать своеобразие родной земли, исследователь Сибири, соединявший художественное дарование с общественной и просветительской деятельностью и сибирский художник-график.

Каждый из них внес в книгу что-то свое. Поэтому книгу «Киргиз» 1910 года можно рассматривать не только как переводное литературное произведение, но и как своеобразный памятник культурной Сибири начала XX века.

Автора поэмы «Киргиз» Густава Зелинского (1809–1881) привела в степь судьба. Он происходил из польской дворянской семьи. Его молодость пришлась на драматический период польской истории. Участие в национально-освободительном движении определило дальнейшую судьбу молодого человека: после поражения восстания он оказался среди политических ссыльных в Сибири.

Густав Зелинский

Именно здесь произошло важнейшее событие в его творческой биографии. Сибирь, которая первоначально была для Зелинского пространством вынужденного изгнания, постепенно открылась ему как совершенно особый мир. Его особенно поразила степь – ее простор, ощущение свободы, суровая красота природы, своеобразие жизни кочевого населения. В письмах Зелинского встречаются восторженные описания сибирского пейзажа, зимнего воздуха, снега, животных, бескрайних пространств. Из этих впечатлений

постепенно формировался художественный образ степи, который позднее получил воплощение в поэме «Киргиз».

При этом важно помнить: Зелинский создавал не этнографическое исследование и не документальную хронику. «Киргиз» – произведение романтической литературы, в котором реальные впечатления автора преобразованы художественным воображением. Степь в поэме становится не просто местом действия, а символом свободы, опасности, страсти и независимости.

В центре произведения – драматическая история любви, мести, плена и освобождения. Романтическая напряженность сюжета сочетается с яркими картинами степной природы. Именно это соединение – сильный характер, драматическая судьба и величественный пейзаж – обеспечило поэме широкую известность.

Зелинский провел в Сибири несколько лет, общался с другими польскими ссыльными, среди которых был Адольф Янушкевич. Знакомство с жизнью степи и людьми, ее населявшими, стало для него важнейшим творческим опытом. Так родился «Киргиз» – произведение, в котором личное переживание ссыльного поэта соединилось с романтическим образом далекой для польского читателя страны.

Автор статьи о Г. Зелинском в «Новом энциклопедическом словаре», изд. Брокгауз-Ефрон (т. VIII, стр. 417) пишет, что поэма «Киргиз» дала Зелинскому «место среди классиков польской литературы, по непреходящей свежести, оригинальности и поэтичности как содержания, так и формы. Яркие и сильные картины степной природы соответствуют столь же ярким и сильным психологически-бытовым чертам обитателей степи; столь же первобытно дика и стихийна драма, разыгрывающаяся среди них».

Георгий Гребенщиков

Спустя десятилетия к поэме обратился Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882–1964) – писатель, журналист и переводчик, уроженец Юго-Западной Сибири, которому суждено было стать одним из наиболее самобытных представителей русской литературы XX века. Именно ему удалось вернуть «Киргиза» русскому читателю.

Для Гребенщикова обращение к Зелинскому было далеко не случайным. Сибирь была его родной литературной территорией. Он знал ее природу, людей, уклад жизни и чувствовал особую связь с теми произведениями, в которых Сибирь становилась не фоном, а самостоятельным героем.

В предисловии к изданию 1910 года Гребенщиков объяснял причину своего обращения к поэме. Он писал о Зелинском как о «чутком и талантливом» польском поэте, которого «бурею событий» забросило в Сибирь, а затем в степи. Услышав «Киргиза», Гребенщиков, по его собственному признанию, полюбил произведение и пожалел, что русский читатель практически не знает этого сочинения. Именно поэтому он решился на перевод.

На титульном листе книги указано, что это перевод с польского. Но Жандос Карынбаев – ученый, занимающийся исследованием казахстанско-польских исторических отношений – считает, что Георгий Гребенщиков переводил поэму с французского языка. В своей статье «Стихотворение, которое познакомило Европу с Казахстаном» он пишет: «Казахская версия основана на переводе с французского на русский Георгия Гребенщикова, опубликованном в 1910 году издательством “Бытовая Сибирь” в Томске».

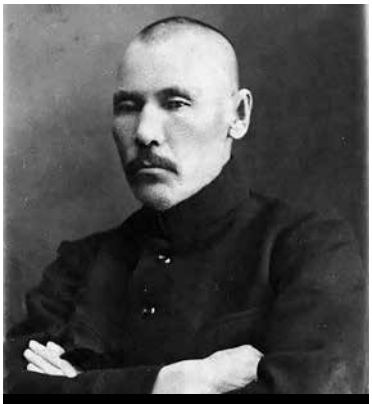
Независимо от того, с какого языка переводил поэму Г. Гребенщиков, его роль значительна. Георгий Дмитриевич выступил не просто как переводчик с одного языка на другой – он стал посредником между двумя литературными мирами – польским и русским.

Не все однозначно восприняли перевод Г. Д. Гребенщикова. Так, в № 11 «Правительственного вестника» за 15 января 1911 года написано: «К сожалению, перевод Гребеньщикова[1] не блещет большими поэтическими достоинствами; это отметил и рецензент этой книги, писавший, что поэма Зелинского "красивым, звучным стихом передает природу и жизнь степи", но перевод, сделанный белыми стихами, страдает метрическими и стилистическими погрешностями».

При этом необходимо заметить, что перевод Гребенщикова не следует воспринимать как буквальную передачу оригинала. Это самостоятельная работа писателя, который стремился донести до русского читателя прежде всего атмосферу произведения, его драматизм и своеобразие степного мира.

Показательно и то, что перевод был посвящен Александру-Францу Касперовичу Голимонту – человеку, тесно связанному с лесным ведомством Алтая и, судя по сохранившимся свидетельствам, находившемуся в дружеских отношениях с Гребенщиковым.

Особую художественную ценность книге придают иллюстрации.

Григорий Гуркин

Одним из художников, работавших над изданием, был Григорий Иванович Гуркин (Чорос-Гуркин, 1870–1937) – выдающийся алтайский художник, чье творчество стало важной частью художественной истории Сибири.

Для Гуркина изображение Алтая и его природы было не внешней задачей. Он воспринимал пейзаж как часть духовного мира человека. В его произведениях природа не просто окружает героя – она живет вместе с ним, определяет его характер и судьбу. Поэтому обращение Гуркина к «Киргизу» Зелинского представляется особенно закономерным.

Зелинский увидел степь глазами романтического поэта, пораженного ее простором. Гуркин увидел ее глазами художника, для которого природа Сибири была родной стихией. Но было и главное общее – способность почувствовать масштаб и своеобразие степного пространства. Участие Гуркина превращает книжные описания природы в зрительные образы. Читатель получает возможность не только представить мир поэмы, но и увидеть его через художественное восприятие мастера, хорошо знавшего степную Сибирь.

С Гребенщиковым Гуркина связывали творческие контакты. Показательно письмо Гребенщикова Григорию Потанину от 14 сентября 1911 года из Катон-Карагая. В нем писатель сообщает, что Максим Горький интересуется Гуркиным и просит прислать репродукции его картин. Это свидетельствует о том, какое место художник уже занимал в культурной жизни Сибири и насколько заметным становилось его творчество за ее пределами.

Второй взгляд на мир поэмы осуществил другой художник книги – Виктор Николаевич Белослюдов (1883–1916), имя которого сегодня известно значительно уже более узкому кругу исследователей, хотя в свое время его деятельность была весьма разнообразной.

---

[1] На обложке книги, как и в статье «Правительственного вестника», фамилия Гребеньщиков пишется через мягкий знак.

Виктор Белослюдов

Белослюдов был художником, общественным деятелем и исследователем Сибири. Его интересы выходили далеко за пределы изобразительного искусства. Он участвовал в работе местных культурных и просветительских обществ, был связан с Географическим обществом, занимался изучением сибирского края. Поэтому его участие в иллюстрировании «Киргиза» также имеет особый смысл.

Если Гуркин воспринимал степь прежде всего как художник, глубоко связанный с алтайской природой и культурой, то Белослюдов принадлежал к той просветительской среде, которая стремилась изучать и сохранять знания о Сибири. В одном книжном пространстве встретились два разных художественных взгляда на степь и человека в ней.

Судьба Белослюдова оказалась трагически короткой. Он умер в 1916 году, всего тридцати трех лет от роду.

И прошло надъ ними море
Изъ огня, обугливъ степи,
Чтобъ весною вновь украсить
Ихъ душистыми цвѣтами...
И съ улыбкой тихой грусти
Тѣ цвѣты, качаясь нѣжно,
На зарѣ по утру будутъ
Плакать чистыми слезами...
А привѣтливое солнце
Утирать имъ будетъ слезы
И лучемъ игривымъ свѣта
Утѣшать до росъ вечернихъ...

Иллюстрация Г. Гуркина

На просторъ степей родимыхъ...
Вотъ за чащею лѣсною
Ширь сѣдая развернулась
И къ далекимъ горизонтамъ
Шла равниной безпредѣльной...
Ночь темна... Безлюдно, тихо,
Гладь степная бездорожна
И Джигитъ, какъ въ дѣтствѣ раннемъ,
Путь искалъ по звѣздамъ неба.

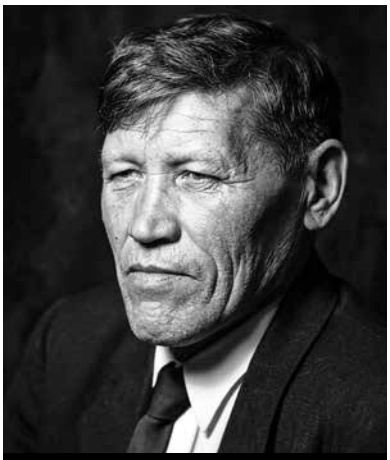
Вновь бѣгутъ, сгибая травы
Подъ копытами айгыра
И, качнувшись, вслѣдъ киваютъ
Имъ цвѣты, всплакнувъ росою...
И, загладивъ слѣдъ побѣга,
Дремлетъ вновь трава степная—
И молчитъ, скрывая тайну,
Ароматомъ пьянымъ вѣя...
Тихо... Степь молчитъ, вкушая
Сладкій сонъ пустынной ночи,
Точно въ храмѣ на молитвѣ
Смолкло все въ благоговѣньи...
Кругъ волшебный замыкая,
Мракъ припалъ къ землѣ ревниво
И для зрѣнія Джигита
Всталъ стѣною непроглядной...
Только звѣздный міръ, далекій,
Искрясь взоромъ многоокимъ,
Тихо грезитъ, опоясанъ
Свѣтлой лентой посреди нѣ...

Иллюстрации В. Белослюдова

Тот факт, что рисунки Белослюдова вошли в издание «Киргиза», сегодня позволяет увидеть еще одну страницу культурной истории Сибири начала XX века.

И, наконец, нельзя забывать о Михаиле Михайловиче Щеглове (1885–1955). В 1910 году Щеглов оформил обложку книги «Киргиз» ссыльного польского поэта Густава Зелинского в переводе Г. Д. Гребенщикова. Его работа завершала художественный облик книги, превращая литературный перевод и иллюстрированный текст в цельное книжное произведение.

В десятые годы XX века 30-летний художник Михаил Щеглов с женой и маленьким сыном жил в суровом сибирском Томске. Он работал учителем рисования в училище и создавал иллюстрации, в том числе оформил роман Льва Толстого «Анна Каренина». За плечами у него – московская Строгановка и покровительство легендарного Василия Сурикова, автора исторических полотен.

Михаил Щеглов

В Томске молодой человек входил в круг местной интеллигенции. Его старшие товарищи – знаменитый этнограф, исследователь Сибири и Монголии Григорий Потанин, инженер и автор романа «Угрюм-река» Вячеслав Шишков, геолог и автор романа «Земля Санникова» Владимир Обручев.

Художник активно ездил по Сибири, знакомясь с бытом и ремеслами коренного населения, много путешествовал по России и Европе.

Щеглов переписывался с опальным Максимом Горьким, с которым познакомился в Италии во время путешествия. Максиму Горькому он посылал свои рисунки со сценками из жизни народа ханты. Писатель тепло отозвался о работах: «Нравятся они мне, талантливо сделаны, и смешно, и трогательно».

Писатель Г. Д. Гребенщиков в очерке «Неделя в Томске» описал томский период творчества Щеглова и свои впечатления о посещении мастерской художника. «Кисть его чрезвычайно разнообразна и совершенно оригинальна, с каким-то резким, но выразительным штрихом. Будучи по преимуществу жанристом, он в то же время сделал большие успехи в области прикладного искусства и весьма славится как талантливый карикатурист. Его шаржи, пародии и карикатуры ярко и выпукло отражают все уродливые стороны нашей жизни, и, пожираемое конфузом, сгибается все, на что направлено его лезвие...».

В 1910 году поэма вышла в Томске в издательстве товарищества «Бытовая Сибирь». Книга насчитывала 54 страницы и была снабжена иллюстрациями. В ее состав вошли «Начало», обращение Гребенщикова «От переводчика», сама поэма, словарь встречающихся в тексте казахских слов и рисунки. Эта структура заслуживает внимания. Словарь, помещенный в издание, показывает стремление приблизить непривычный для русского читателя мир поэмы, помочь ему понять особенности изображаемой культуры и языка.

Особенно интересна судьба экземпляра, хранящегося в Томской областной универсальной научной библиотеке имени А. С. Пушкина. На титульном листе сохранилась рукописная надпись: «Дому Науки П. И. Макушина от Г. Гребенщикова».

КИРГИЗЪ

ПОЭМА.

Эта деталь словно возвращает нас из литературной истории в живую историю книги. Перед нами уже не абстрактное библиографическое описание, а конкретный экземпляр, прошедший через руки людей, связанных с культурной жизнью Сибири. Книга 1910 года стала своеобразным диалогом разных культур и разных поколений.

«Киргиз» Зелинского получил известность еще в XIX веке и неоднократно издавался и переводился на европейские языки. Но для Сибири поэма обрела особое значение.

С момента выхода томского «Киргиза» прошло больше века. За это время из-

менились государства, границы, литературные вкусы, способы чтения. Но сохранилась сама книга – свидетель удивительной встречи польской поэзии и сибирской культуры. В ней сошлись судьбы Густава Зелинского, Георгия Гребенщикова, Григория Гуркина, Виктора Белослюдова и Михаила Щеглова. Зелинский дал книге слово. Гребенщиков дал ей новую языковую жизнь. Гуркин и Белослюдов дали ей зримый образ. Щеглов создал ее книжное лицо. А Сибирь стала тем пространством, которое связало всех их – несмотря на различие эпох, происхождения и судеб.

Именно поэтому томское издание 1910 года сегодня интересно не только как редкая книга и библиографический памятник. Оно представляет собой своеобразный культурный перекресток, где встретились польская романтическая поэзия, русская литература, сибирское краеведение и алтайское изобразительное искусство.

История «Киргиза» показывает, что литература не заканчивается в момент создания произведения. Иногда спустя десятилетия она получает новую жизнь благодаря переводчику, художникам, издателю, читателям и хранителям книги. Произведение одного поэта становится частью другой культуры, а отдельное издание – документом эпохи.

Возможно, в этом и состоит настоящее бессмертие книги: она продолжает соединять людей, которые никогда не встречались друг с другом, – через столетие, через границы и через искусство.

Фрагмент групповой фотографии. Томск, 1912 г.
Слева направо: неустановленное лицо, В. Шишков, М. Щеглов, А. Адрианов, Г. Гребенщиков, М. Васильева-Потанина, Г. Потанин, М. Шатилов